

Тан Цунъюнь, с его типично бабническими замашками — видеть красоту и забывать о долге, — хоть и вызывал у окружающих лишь презрение, на деле принадлежал к той категории людей, у которых есть желание, но нет смелости. Изобразив невозмутимость после того, как он расплатился за чей-то обед, он со всех ног припустил обратно к У У.

— Слушай, брат, есть вопрос, который я давно хотел задать, — У У, держа палочки у рта, понизил голос. — Ты не сочтешь меня сплетником, если я спрошу?

Вокруг все сбились в кучки и вели оживленные беседы, совершенно не обращая на них внимания.

Неизвестно, что ударило Тан Цунъюня в голову, но он, проявив поразительную чуткость, вдруг оттолкнул приближавшегося к нему приятеля. Словно испугавшись, что их увидят, он застал У У врасплох. Тот, отшатнувшись, подумал про себя: Столько лет знакомы, а он, оказывается, строит из себя недотрогу? Вот же чертовщина.

Тан Цунъюнь принялся выразительно подмигивать, указывая в сторону. У У проследил за его взглядом и увидел Фэн Бэя, который сидел за соседним столом и что-то обсуждал с Цай Чэнем.

У У, которому порядком надоело такое поведение, спросил:

— Какие у вас с Фэн Бэем отношения? Вижу, он к тебе неплохо относится, разве что староват немного.

Эти слова явно пришлись Тан Цунъюню не по душе, и он тут же отрезал:

— Нет.

— Тогда почему, по-твоему, он так добр к тебе? — У У, похоже, не собиравшись останавливаться и добавил: — Беспричинная услужливость — признак либо мошенника, либо вора! — При этом он настойчиво подцепил своими палочками палочки Тан Цунъюня и ловко утащил кусок мяса из его миски.

Жертва ограбления не стала разбираться с вором, в основном потому, что слова У У заставили его задуматься. И правда, почему Фэн Бэй так добр к нему? Возможно, они встречались раньше, но Тан Цунъюнь никак не мог вспомнить, где именно. Обычно он забывал людей лишь в двух случаях: либо это была случайная встреча, либо человек, с которым он был знаком давно, но не поддерживал близких отношений.

Однако, если бы речь шла об Омеге с такими уникальными феромонами, он бы непременно запомнил это намертво. Забыть такое было попросту невозможно.

Или, может быть, это он никогда не знал человека по имени Фэн Бэй, а Фэн Бэй знает его? Но и это не вяжется. Фэн Бэю на вид чуть больше двадцати, ну, или под тридцать. Если уж кто-то

кого-то и знает односторонне, то скорее он должен был знать Фэн Бэя.

— Брат? — У У, видя, что тот снова витает в облаках, воспользовался моментом, утащил еще пару кусков мяса и напомнил: — Почему ты каждый раз впадаешь в ступор, как только речь заходит о Фэн Бэе?

Тан Цунъюнь опустил взгляд на свою миску, где остался только разваренный картофель, и промолчал. Он подцепил два кусочка, но те от избытка сил раскрошились и упали обратно. У У решил, что друг окончательно помешался. Только он собрался повернуть голову, чтобы рассмотреть, что за загадочная личность этот Фэн Бэй, как Тан Цунъюнь дернул его обратно.

У У, не понимая, в чем провинился, понизил голос:

— Ты правда не считаешь, что Фэн Бэй выглядит знакомо?

— Тан-гэ, я его в первый раз вижу, — его мыслительный процесс запоздал, и только сейчас он осознал смысл сказанного: — Черт возьми, неужели мы виделись раньше? Я к тому, почему он так к тебе относится? — Затем, используя все свои познания, он выдал не очень-то правдоподобную версию: — Может, ты просто бесстыдный протеже, пролезший по блату?

— Тогда те тридцать баллов — это что, успех на пустом месте? — парировал Тан Цунъюнь, снова нахмурившись над той же загадкой.

У У многозначительно произнес:

— Если действительно хочешь узнать, почему бы не выведать у других? Инструкторы, офицеры, профессора... Ласруй — старая школа, кто-то точно должен знать, откуда он взялся. Если это кто-то, кого мы знали раньше, он наверняка известная личность, верно?

На этот раз интеллект приятеля сработал вовремя, и Тан Цунъюнь тут же принял эту стратегию на вооружение, начав обсуждать её каждый день.

— Как думаешь, если я спрошу офицера Цая, не будет ли это выглядеть слишком подозрительно? Вдруг он решит, что я какой-то извращенец? — спросил Тан Цунъюнь, ковыряя палочками дно миски.

У У, услышав это, чуть не почувствовал себя на месте Тан Цунъюня. Ему стало интересно, и он постарался симитировать обычный тон того самого человека:

— Нет. Он просто передаст твой вопрос офицеру Фэну, и тебя сразу же отсеют.

— Тоже верно, — Тан Цунъюнь действительно задумался. Вспомнив события на баскетбольной площадке, он понял, что знает не так уж много инструкторов, и лучше начать с тех, кто рядом. К тому же, можно разузнать что-то и о своей собственной личности. Убить двух зайцев одним выстрелом, — довольно подумал он.

Тем временем У У уже запустил свои вороватые палочки в миску Юэ Хэнцина. Тот лишь улыбнулся ему, позволяя забрать еду. Странно, но Юэ Хэнцин был таким чистоплотным и светлым, что с первого взгляда его невозможно было связать с образом военного. Характер у него был такой же — холодный и отстраненный, казалось, его совершенно не волнует происходящее вокруг. Но в нем была какая-то мягкость, которая делала его не таким уж недосягаемым.

Например, сейчас он вел себя так, будто ничего не слышит, словно тряпичная кукла, сидящая на столе и вылизывающая шерсть, даже не глядя на тех, кто ворует его еду.

Взгляд Тан Цунъюня скользнул мимо Юэ Хэнцина на пустующее место.

В это же время Тан Чэнъян, отец Тан Цунъюня, стоял у дверей президентской приемной, глядя на камеру наблюдения сверху. Как и ожидалось, через секунду дверь автоматически открылась. Чжан Аоя отложил пульт и спросил:

— Зачем вы меня искали?

Дверь автоматически закрылась.

— Господин президент, мой сын, он... — сорокалетний мужчина уже было начал просить о снисхождении, как вдруг встретился с этим ястребиным взглядом и вздрогнул от пронзительной искры, блеснувшей в глубине глаз собеседника. Хотя сам он не участвовал в убийстве, по слухам знал, насколько безжалостен новый президент Чжан.

Самое страшное было в том, что Чжан Аоя молчал, ожидая, пока Тан Чэнъян закончит свою мысль. Тот судорожно вдохнул — ни подойти, ни отступить. Если продолжить говорить, сына, скорее всего, не спасти, а его семью ждет долгое и жесткое давление. Лучше уж... сдаться.

— Господин президент, — он подобострастно улыбнулся. Раз уж интриган раскрыл его намерения, нет смысла скрываться, и он изобразил ровно столько мольбы, сколько требовалось: — Думаю, моей искренности уже достаточно. Разве наш клан Тан не был на вашей стороне еще до того, как вы стали президентом? К тому же, вы ведь хорошо знаете Сяо Тана... Когда он закончит Ласруй, нельзя ли устроить его на какую-нибудь непыльную должность? Мне не нужно многого, просто пристройте его в любую армию, чтобы получил звание и жил как все.

Он с тревогой смотрел на Чжан Аоя, пытаясь прочесть в его глазах хоть каплю одобрения. Но глаза этого человека были подобны бездонной пропасти, где любые бури исчезали, не поднимаясь на поверхность. Тан Чэнъян не смог уловить ровным счетом ничего, и давление в его сердце лишь усилилось.

Мужчина с улыбкой открыл бутылку красного вина, стоявшую на столе, и разлил по бокалам. Он взглянул на стул слева, и Тан Чэнъян, поняв намек, осторожно сел. Со стороны казалось, будто он боится, что под ним бомба — впрочем, если бы она там была, это было бы вполне

вероятно.

— Помощник Тан, не стоит так нервничать. Я понимаю ваши трудности тогда, я понимаю и Сяо Тана. Дети есть дети, несмышленные, повзрослеют — поймут свои ошибки. Не беспокойтесь так сильно. К тому же, молодежи нужно увидеть мир, чтобы понять, как хорошо дома, — слова Чжан Аоя звучали назидательно, но в них слышалось что-то иное. — Впрочем, Сяо Тан еще ребенок, и если он временно сбился с пути...

Намеренно растянутая концовка фразы была мучительной. Тан Чэнъян поспешно ответил:

— Нет-нет, Сяо Тан, хоть и неразумен, но точно знает границы дозволенного.

Как только эти слова сорвались с его губ, он уловил в глазах Чжан Аоя тень сомнения, но понял, что объясняться сейчас — не лучшая затея, и замолчал, наблюдая за выражением лица собеседника.

— Ну и хорошо. Раз Сяо Тан — хороший ребенок в вашей семье, то его заблуждения временны. Клан Тан всегда знал меру, я верю, что ваше воспитание на высоте, верно?

Внезапно их взгляды встретились. Оба поняли, что скрывается за словами другого, и с глубоким смыслом улыбнулись:

— Да, наш клан Тан знает меру. Сяо Тан вскоре обязательно вернется домой.

Услышав это, интриган удовлетворенно кивнул. Тан Чэнъян подошел к маленькому столику и осушил бокал вина одним глотком.

Никто не мог помочь Тан Цунъюню в Ласруе, помочь ему мог только он сам. История о бунтующем подростке, сбежавшем ради идеалов и свободы, должна была закончиться. В глазах старших он был всего лишь мальчишкой, который устроил истерику и ушел из дома. Как только родители его нашли, конец был близок. Но президент не позволял торопиться. Некоторые вещи лучше не спугивать раньше времени. К тому же то, что хотел получить Чжан Аоя, еще не было в его руках, и он ни за что не допустит, чтобы этот предмет не «вернулся» к нему. Ради этого он даже рискнул оставить «того человека».

Тан Чэнъян как родитель был не то чтобы идеален, но и плохим его назвать было нельзя. С детства он давал своему единственному ребенку лучшие ресурсы и лучшее образование. В вопросах «позитивного» развития он исполнял любые прихоти, доставал звезды с неба.

Но эти «позитивные» вещи, казалось, были совсем не тем, что нужно его дорогому сыну. Это стало очевидно еще давно, но в их семье всегда считали, что это просто фантазии незрелого ребенка с мелкими целями, и до сих пор придерживались этого мнения.

Никто не знает, что принесет будущее, но сейчас Тан Чэнъян пришел сюда, чтобы обеспечить

сыну страховку. Как ни крути, тот был его ребенком. Он не мог позволить, чтобы его родной сын погиб у него на глазах. Поэтому он считал, что делает то, что должен.

<http://bllate.org/book/22097/2297914>